

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

«ГОРОД ДА СЛАНЦА...»

ВЕРА ВОЛОШИНОВА,

ЛЮБОВЬ ВОЛОШИНОВА

ЧЕХОВ

И

РОСТОВ-НА-ДОНУ

К 150-ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2009

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:

**В. Ф. ВОЛОШИНОВА, Л. Ф. ВОЛОШИНОВА
ЧЕХОВ И РОСТОВ-НА-ДОНУ
РОСТОВ Н/Д: «ФОЛИАНТ», 2004.**

**РЕДАКТОР
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. И. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

ТИРАЖ: 2 ЭКЗЕМПЛЯРА

**ОТПЕЧАТАНО
В ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие.....	4
Просвещённое внимание.....	5
Защитим «мужеотравительницу» Максименко».....	12
Врач тюремной больницы.....	22
Книгопродавец и собиратель древностей.....	25
Чехов и Асмоловский театр.....	29
Гимназический друг.....	36
Гость Ростовского вокзала.....	40
Товарищ по переписке.....	43
Журналист нового времени.....	50
Редактор и издатель.....	56
Послесловие.....	60

Встречающиеся в тексте термины поясняются в словаре в конце книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Чехова до сих пор по-настоящему не знают...» - писал Иван Бунин.

И был по-своему прав. Взять хотя бы такой факт: многие города России претендуют на ведущее место в формировании личности Антона Павловича. Естественно, это Таганрог, его родина (типы, выведенные в его рассказах и повестях, взяты прежде всего оттуда), это Москва (трудно переоценить влияние Московского университета на мировоззрение своих студентов), это и Ялта с Гурзуфом.

Имеет свои «виды» на Чехова и Мелихово, и остров Сахалин.

Ростова-на-Дону в этом списке нет.

Но наш город часто возникал на его пути, здесь он встречался с товарищами по гимназии, здесь жили его коллеги и друзья по переписке.

Ростовский круг знакомых Чехова малоизвестен. Многих из них писатель сам называет в письмах и заметках. Каждый названный представлял собой яркую личность, и, узнавая о них, можно много нового и интересного добавить к нашему представлению о личности Антона Павловича.

Тем более если учесть тот факт, что даже круг бывших соучеников Чехова по гимназии изучен сегодня очень поверхностно.

При сборе материалов для этой книги нами двигали как любовь к творчеству замечательного писателя и драматурга, так и любовь к родному городу. Мы не хотим отнять у других городов ту частичку Чехова, которая принадлежит им по праву, но есть горячее желание восстановить то, что, казалось бы, утеряно в отношении Ростова-на-Дону.

Авторы.

***

ПРОСВЕЩЁННОЕ ВНИМАНИЕ

Одним из недавно открытых фондов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) стал фонд Михаила Борисовича Краснянского. Личность эта – многоплановой деятельностью, широтой интересов, перипетиями судьбы – во многом отразила трагическую историю XX века.

Горный инженер, археолог, журналист, краевед, хранитель древностей, один из создателей Ростовского городского музея – вот не полный перечень его профессиональных и общественных занятий.

На Михаила Борисовича, оставшегося в Ростове во время немецкой оккупации в 1941 и 1942 годах, легло клеймо «изменника Родины». Поэтому первыми хранителями его архива стали сотрудники НКВД. Но и потом, когда документы передали в ГАРО, они оставались закрытыми.

Только в 1995 году сотрудники архива смогли систематизировать фонд Краснянского, и он стал доступным для пользователей.

Среди многочисленных его материалов есть малоизвестное историко-литературное исследование. Оно посвящено родословной А. П. Чехова и входит в состав «Чеховского сборника» 1929 года, составителем которого был Михаил Борисович.

Первый экземпляр сборника был подарен автором Таганрогскому музею и библиотеке имени А. П. Чехова; второй – Ростовской городской публичной библиотеке; третий – ныне находится в архиве. На одной из страниц этого экземпляра Михаил Борисович записал: *«...собрания о Чехове последнего времени передаются моему детищу – Ростовскому музею. Январь 1938 г.»*

Так случилось, что впервые сведения о родословной Чеховых вошли в его официальную биографию, которая составлялась в тридцатые годы. Но в ней они прозвучали лишь несколькими строками, утратив колорит эпохи, подарившей нам великого писателя. Сегодня же, вспоминая его слова о том, что *«талант в нас со стороны отца, а душа – со стороны матери»*, интересно вернуться к этому малоизвестному исследованию Краснянского.

В конце XIX века, будучи техником Городской управы, Михаил Борисович переписывал сведения из её архивных дел, где упоминались имена отца и деда А. П. Чехова.

Однако, как свидетельствует он сам: *«...Документы Ростова дважды подвергались разграблению: первый раз – в 1883 году городским головою Кузьминым, который по невежеству решил старые дела продать с публичного торга на обёртку селёдок, а второй раз – в*

1922 году, когда Городская управа горела, и документы сгорели со зданием...».

Таким образом, свидетельства о них Краснянского становятся единственно возможными в наше время. Кроме того, как утверждает автор, его сведения о родословной Чеховых подтверждены ростовским священником Лазарем Крещановским, который описывал историю ростовских церквей и хорошо знал церковный архив.

Выписывая из документов управы сведения в хронологической последовательности, Михаил Борисович пытается восстановить ростовский период жизни отца писателя.

«... Павел Егорович родился в слободе Ольховатке Острогонского уезда Воронежской губернии, будучи сыном крепостного помещиков Чертковых. Дед писателя (по отцовской линии) Егор Михайлович выкупился у помещика с женой и тремя сыновьями, дочь же была отпущена из милости (1841 г). Егор Михайлович не всё время жил в Воронеже, он прибыл туда из Славяносербска и происходил от выходца из Австро-Венгрии, родом – чехословака. Откуда, надо полагать, и фамилия Чеховых... В Ростове Егор Михайлович бывал часто, приводя на знаменитые ростовские ярмарки воронежских битюгов для продажи и закупаая солёную рыбу».

Вероятно, на ярмарках познакомился он с купцом Морозовым. И когда 16-летним приезжает отец писателя в Ростов, он поступает к Якову Герасимовичу Морозову *«мальчиком торговать рыбой на Старом базаре»*. Павел Егорович скоро обратил на себя внимание хозяина. Со временем он становится его приказчиком.

29-ти лет от роду он избирается купцами г. Ростова на выборную должность – ратмана (представителя сословия) в городской думе, каковую он выполняет *«с примерным усердием и полным знанием своего дела»*.

Здание городской думы существует и теперь ещё в Ростове, где в нижнем этаже работал отец писателя приказчиком.

Речь идет о старейшем каменном здании города, расположенном на площади Старого базара на перекрёстке бывшей Старопочтовой улицы и Николаевского переулка (ныне ул. Станиславского и пр. Семашко). Оно возведено в 1840-е годы купцом Максимовым, на втором этаже дома разместились «городские учреждения», в двухсветном зале заседала городская дума. На первом этаже располагались ряды торговых помещений, сдаваемых под лавки и магазины. Просторные подвалы предназначались под склады, столь необходимые на торговой площади.

Это двухэтажное здание с мезонином было тогда самым большим на площади.

Собор только начинал строиться.

«В 1854 году после смерти купца Павел Егорович женится на его дочери Евгении Яковлевне Морозовой и вступает в управление торговлей на правах члена семьи Морозовых, вместе с сыном умершего купца». Теперь он сам становится арендатором лавки в доме купца Максимова.

В 1855 году в семье Павла Егоровича родился первенец – Александр; впоследствии известный как писатель под псевдонимом «Седой». В 1857 году появился второй сын – Николай, ставший талантливым художником.

В эти годы торговая удача сопутствует отцу будущего писателя. Вероятно, помогают сложившиеся связи с товарищами и родственниками умершего хозяина, авторитет представительства в городской думе.

Тогда «по сведениям, полученным из старых дел Ростовской городской управы П. Е. Чехов, таганрогский грек Н. Д. Алфераки, писатель Н. В. Кукольник, будущий городской голова Ростова А. М. Байков решили помогать казне снабжать крымскую армию продуктами питания и образовали сельскохозяйственное общество, которое на Темернике, ныне Олимпиадовке, устроило сушильню рыбы и продукты ея отправляло в Севастополь...».

Ещё несколько лет назад сведения об этом сельскохозяйственном обществе на Темернике были известны только по выпискам М. Б. Краснянского из погибшего архива Ростовской управы. Они нашли отражение в его статье «Купец третьей гильдии П. Е. Чехов», опубликованной в книге «А. П. Чехов и наш край» (1935, Азово-Черноморское изд-во).

Но в сентябре 1998 года таганрогский краевед и журналист А. Николаенко опубликовал на страницах газеты «Молот» статью «Совершенно постороннее делишко».

В ней он рассказывает о деятельности Нестора Васильевича Кукольника в Приазовье как ответственного чиновника военного ведомства, а также как частного лица. Основой данного исследования стали дневники, письма, заметки писателя, ныне хранящиеся в архивах Москвы и С-Петербурга.

В письмах Н. В. Кукольника 1854 года А. Николаенко находит подтверждение коммерческому предприятию

на Темернике с участием в нём других компаньонов – Н. Д. Алфераки, А. М. Байкова, П. Е. Чехова.

Как пишет далее М. Б. Краснянский: *«На этой операции Павел Егорович заработал 2400 рублей и решает в конце 1857 года переехать на жительство в Таганрог. Но до этого, после окончания Крымской войны, сельскохозяйственное общество в прежнем составе (Чехов, Кукольник, Алфераки) пробует торговать мукой и отправлять её за границу. Эта операция оказалась неудачной, дело скоро расстроилось, и компаньоны разбежались».*

Решение же Павла Егоровича о переезде в Таганрог вскоре осуществилось. М. Б. Краснянский приводит нам копию подлинного документа городской управы, который называется «Дело о Ростовском н/Д. мещанине Павле Егоровиче Чехове».

Прочитываем текст его в сокращении: *«В 1857 г. декабря 4 дня. Мы, нижеподписавшиеся Екатеринославской губернии, уездного города Ростова мещане, христиане... слушали словесную просьбу Ростовского мещанина Павла Егоровича Чехова об увольнении его из нашего мещанского сословия для поступления соответственно его состоянию в Таганрогские 3-й гильдии купцы.*

ПРИГОВОРИЛИ: как за означенным мещанином Чеховым препятствий никаких не состоит, недоимок по податям и повинностям на нём нет, потому Чехова из своего сословия в прописанное звание увольняем, в том подписываемся.

Подлинно подписали Ростовские мещане грамотные – 45 подписей.

Неграмотные 53 чел... – по их личному рукоподатному прошению ростовский мещанин Семён Иманов руку приложил».

А с начала 1858 года уже указом Его императорского Величества из Екатеринославской казённой палаты Павел Егорович был причислен в Таганрогские третьей гильдии купцы с капиталом в 2400 рублей серебром. В подтверждение этого Михаил Борисович приводит копию документа, снятую с документов Таганрогского городского музея.

Нельзя не упомянуть, что Краснянский горячо поддерживал создание мемориального музея и библиотеки имени А. П. Чехова. Будучи одним из создателей Ростовского краеведческого музея, он понимал трудности, которые ожидают его таганрогских коллег, и старался оказать им поддержку.

После окончания строительства здания Таганрогского мемориального музея и библиотеки он неоднократно пересылал в дар музею книги и брошюры по истории донского края, издаваемые в Ростове и в столицах. Об этом свидетельствуют благодарственные письма от правления «Таганрогского общества изучения края и местной старины», сохранившиеся в ГАРО.

Они обычно начинаются словами: *«Милостивый государь Михаил Борисович!»*, а заканчиваются обращением: *«... Надеемся, что Вы и впредь не оставите наш музей своим просвещённым вниманием»*.

Именно эта черта – «просвещённое внимание» – роднит Краснянского с личностью самого Антона Павловича Чехова. Михаил Борисович был младшим его современником. Он оказался звеном того неблизнего «чеховского круга», которое сохранило нам подробности родословной великого русского писателя.

***

ЗАЩИТНИК «МУЖЕОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ» МАКСИМЕНКО

«... В случае, если у Вас пожелают пройти насчёт оправдательного приговора в процессе мужеотравительницы Максименко (в Ростове-на-Дону), то поосторожней. До процесса я разговаривал с защитником Холевой и мог убедиться, что Максименко совсем не виновата. Того же мнения и все ростовцы, аплодировавшие приговору», - писал 23 февраля 1890 года из Москвы в Санкт-Петербург А. С. Суворину Антон Павлович.

Замечание Чехова вызвали отчёты из зала суда – печатающиеся в тоне, неблагоприятном для подсудимой – в номерах «Нового времени» – газете известнейшего во всей России редактора, издателя, писателя и драматурга Алексея Сергеевича Суворина. Это дело в Ростове-на-Дону разбирал Таганрогский окружной суд.

В ходе этого процесса, прогремевшего на всю Россию, в прессе вспомнили подобные дела во всём мире, к примеру, отравление своих жён доктором Лаполяро в Париже и доктором Прогшардом в Глазго. Шум вокруг таких судебных дел обычно вызывал немало толков. Ростовское общество не стало исключением.

«Мило провели целую неделю поста наши «уголовные дамочки», - писал в одном из февральских номеров газеты «Донская пчела» фельетонист, выбравший себе псевдоним «Добряк», - Мужья, дети, дом, хозяйство – всё брошено на произвол судьбы. Скорее в суд, не пропустить бы чего. - Сегодня, - лепечет да-

мочка, - душка Холева будет разбивать Португалова до обеда, спасти Крассу после обеда, затем уничтожить Роллера, после чая и к концу погрызётся вообще со многими экспертами».

Так случилось, что в этом процессе в Ростове-на-Дону встретились два соученика Чехова по гимназии – выступавший в роли судебного эксперта тюремный врач Марк Крассо и помощник присяжного поверенного Лев Волкенштейн; защищавший (обвинённого вместе с Александрой Максименко) приказчика Аристарха Резникова.

Казалось бы, Антон Павлович, близко к сердцу воспринимавший всё, что происходило в донском крае, мог переговорить до процесса и с ними или – на худой конец – со знаменитым Плевако, также выступившим на этом процессе в роли защитника А. Максименко. Но он упоминает о разговоре именно с присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты Н. И. Холевой, избрав его на роль визави.

Судя по всему, он был знаком с Николаем Иосифовичем по Санкт-Петербургу, так как Холева – человек суворинского круга (а с этим издателем Чехова связывали к этому времени пятилетние доверительные отношения), более того, помимо своей адвокатской деятельности, состоявший ещё и делопроизводителем и казначеем содружества Литературно-художественного кружка.

Не мог Антон Павлович не быть в курсе и другого занятия Холевы: ещё со студенческих лет увлёкся последний журналистикой, неофициально редактируя на своей родине – Керчи – ещё во время учёбы на

юридическом факультете Санкт-Петербургского университета «Керчь-Еникальский Листок».

А с 1883 года выходит в Ростове-на-Дону одна из первых местных газет – «Ростовский-на-Дону Листок», издателем которой значится Н. И. Холева аж до февраля 1891 года. Далее он уступит своё издание другим хозяевам, которые, однако, не смогут удержать газету «на плаву», и 25 мая 1893 года она войдёт в состав набирающего силу «Приазовского края».

Но есть ещё одна причина, которая – (выскажем такую уверенность) – заставила прислушаться Чехова к доводам именно Холевы. На Антона Павловича, как на врача, не могли не оказать воздействие научные аргументы защитника, разбившего обвинение (и, прежде всего, его «медицинскую базу») в пух и прах. Об этом, скорее всего, и говорили известный адвокат и уже не менее известный писатель.

Что же представляло собой это крайне запутанное дело?

В конце сентября 1888 года, находясь по делам в городе Калаче, Николай Максименко заболел брюшным тифом. Его жена перевезла больного домой, в Ростов-на-Дону, где его лечил доктор Португалов. Через три недели больной стал поправляться.

18 октября 1888 года, посетив Максименко и найдя его выздоровевшим, доктор Португалов получил расчёт за работу и, дав последние указания, уехал. Однако вечером того же дня его вызвали снова, поскольку у больного началась сильная рвота. Прописав лекарства, которые, с его точки зрения, могли помочь, он снова уехал. Однако перед рассветом Португалов был снова вызван к больному, но в живых его уже не застал.

Родные покойного обратились к нему с просьбой выдать справку с указанием брюшного тифа в качестве причины смерти. Доктор такую справку выдать отказался, заявив, что причина смерти ему не понятна, и посоветовал обратиться в полицию с требованием анатомирования тела.

В свою очередь, в полицию обратилась Александра Егоровна Максименко с заявлением о том, что Португалов вымогал у неё за выдачу разрешения на похороны взятку в 300 рублей. После такого обострения отношений анатомирование тела Николая Максименко стало неизбежным.

Такое состоялось 21 октября 1888 года.

Производил вскрытие врач тюремной больницы М. Крассо в присутствии Португалова, помощника пристава Англиченкова, известных в городе врачей Моргулиса и Лешковича, приглашённых понятых. Вскрытие показало, что обнаруженные в желудке тифозные повреждения могли привести к ослаблению деятельности сердца и вызвать летальный исход. Такое заключение Португалова не удовлетворило, и он потребовал химической экспертизы.

Проведенная провизором Роллером 31 октября 1888 года в Новочеркасске, она обнаружила в представленных образцах тканей мышьяк, удельное содержание которого превышало примерно в десять раз смертельную для человека дозу.

Так началось «дело Максименко».

Обвинение представило суду некий заговор жены Максименко и приказчика, имевшего целью свести мужа со света и потом устроить собственную судьбу. Обвинение в немалой степени опиралось на показа-

ния брата умершего Антонина, его сестры Елизаветы и соседа Дмитриева, который в последний день жизни Николая Фёдоровича потчевал последнего тортиком и бутербродом с чёрной икрой.

Но главным козырем обвинения стали, конечно, результаты экспертизы.

Защита у каждого адвоката была выстроена по-своему. Обладавший великолепным ораторским даром, член Московской судебной палаты Фёдор Никифорович Плевако виртуозно воспользовался промахами в обвинительной речи прокурора, обойдя все опасные для Александры Максименко места и выпукло подав всё, что говорило в её пользу.

Николай Иосифович Холева, используя практически ту же доказательную базу, обратил внимание на научные аспекты экспертизы. Подробно изложить его аргументы позволяет газета «Донская пчела», во всех подробностях печатавшая речи выступавших на процессе.

Прежде всего Николай Иосифович подверг сомнению показания врача Португалова, утверждавшего, что в день своей смерти Николай Максименко выглядел совершенно здоровым. По показаниям прислуги он и встал-то в этот день с постели в первый раз!

Вызванный вечером врач не обнаружил признаков отравления, иначе бы он не ограничился назначением таких невинных средств, как касторка и миндальная эмульсия. Судя по описанию состояния Максименко в этот вечер, признаки не подходили под отравление мышьяком, среди которых – неутолимая жажда. Умерший же и стакана воды выпить не смог. Пульс у него был учащенный, что скорее говорит об

опасном осложнении тифа, чем об отравлении таким сильным ядом, как мышьяк, при котором пульс обычно бывает слабым и почти незаметным.

Холева в своей речи защитил и профессиональную репутацию врача Крассо, к работе которого (по вскрытию тела Максименко) обвинение и врач Португалов пытались подорвать всякое доверие.

Он напомнил, что присутствовавшие при вскрытии другие врачи признали работу тюремного доктора полной и обстоятельной. По времени процесс длился около 4 часов, и составленный протокол признан достоверным.

«В чём же провинился доктор Крассо? - восклицал Холева. - Не тем ли, что в течение одного лишь 1889 года произвел 118 вскрытий, чуть ли не ежедневно помогая судебному ведомству своими указаниями, постоянно выступая экспертом и на следствии, и на суде? Вся вина его для обвинения заключается в том, что его выводы противоречат гипотезе отравления!»

При отравлении мышьяком посмертные явления этого достаточно характерны. Ничего подобного при первом вскрытии обнаружено не было. Однако были признаки, что тифозный процесс находился в стадии полного расцвета! То есть, заключил Холева, если 18 октября (всего через 11 дней) после первого вызова доктор Португалов считал пациента выздоравливающим (*брюшной тиф лечится в течение 7-8 недель при строгой диете – прим. В. В.*), то нам остаётся посочувствовать другим пациентам этого доктора. Употреблённые Максименко тортик, чёрная икра, хлеб, чай явно могли спровоцировать кровотечение, за ко-

торым последовала рвота с последовавшим параличом сердца.

Самое уязвимое место – наличие весьма большого количества мышьяковистых соединений, однако никакого намека на сулему, раствор которой был употреблен в качестве обеззараживающего средства.

Доктор Крассо не только брал внутренности руками, смоченными раствором сулемы, но даже мыл им руки над трупом! И, тем не менее, сулемы нет, а мышьяк есть!!! Из чего, по словам Холевы, следовали два варианта: либо анализы фармацевта Роллера не заслуживают доверия, либо аптека Ревича отпустила вместо сулемы мышьяк! Как известно, оба препарата стоят в аптеках рядом в одном шкафчике для особо опасных веществ.

Есть ли кто-нибудь из присяжных, восклицал Холева, кто не сталкивался сам или не слышал о подобных случаях ошибок в аптеке?!

Тут нужно пояснить, что в препарате Марша, использованном при проведении экспертиз, появление серебристого налёта соответствует не только наличию мышьяка, но и ртути (*вещество, носящее название «сулема», является двухлоридом ртути – прим. В. В.*).

Безупречная логика Ф. Н. Плевако, неотразимые аргументы Н. И. Холевы привели к тому, к чему и должны были привести – 20 февраля 1890 года присяжные в Ростове-на-Дону вынесли оправдательный приговор. Посрамление полицейских властей было колоссальным – 16 месяцев следствия оказались ни к чему! Прокурор Таганрогского окружного суда внёс протест и потребовал пересмотра дела.

Правительствующий Сенат отменил оправдательный приговор и постановил пересмотреть его на новом процессе. Обвиняемые не вышли на свободу. Дело было направлено в Харьковский окружной суд. Тем самым «дело Максименко» перешло в новую фазу.

Прокуратура потребовала провести третью по счёту химическую экспертизу. В тканях умершего опять был обнаружен мышьяк, а наличие ртути опять обнаружить не удалось, и эксперты немало потрудились, пытаясь безуспешно объяснить этот факт.

В своей заключительной речи на втором процессе помимо отрицания факта отравления Николай Иосифович заговорил о мотивации преступления, при этом очень глубоко раскрыл подоплеку «дела Максименко». Казалось бы, ничего оригинального он не сказал. Все приведенные им аргументы и подозрения на самом деле витали на процессе в воздухе многие месяцы. Но Холева собрал их воедино и сказал во всеуслышание обо всех тех любопытных нюансах, что могли радикально изменить оценку роли обвиняемых.

В самом деле – зачем Александре Егоровне Максименко, молодой женщине, убивать мужа, если с его смертью она превращалась почти в нищенку: выйдя замуж за Николая Максименко Александра Дубровина – такова девичья фамилия несчастной вдовы – переписала на мужа всё своё состояние. После же его смерти (согласно тогдашним законам Российской империи) она могла претендовать лишь на четверть его капитала. Остальное доставалось другим родственникам.

А если все-таки убивать, то почему не озаботиться перед этим завещанием в свою пользу? Зачем заявлять в полицию о вымогательствах врача? Напротив, имея злой замысел, она, скорее всего, дала бы ему денег и кричала бы на всех углах о своей честности и порядочности Португалова.

Если бы вдова и 18-летний приказчик действительно были бы любовниками, отравившими мужа, то не жила бы она в его семье несколько дней сразу после смерти Николая... Зачем раздражать общественное мнение провинциального городка (напомним, что Ростов тогда имел население в десять раз меньше, чем в начале XXI века)?

Александру Максименко, выражаясь современным языком, подставили. Кто-то умный и хладнокровный воспользовался ситуацией, рассудив, что прежде всего внимание следствия падёт на жену покойного. Кто же мог стать этим хладнокровным и умным убийцей? Холева не мог его не назвать, нарушая при этом традиционное разделение ролей в судебном процессе: обстоятельства дела требовали от него ясности и завершенности формулировок.

- Есть два лица, - заявил адвокат, - для которых смерть Николая Максименко представляла известный интерес. Одно из них – брат покойного Антонин, который знал, что в случае смерти Николая он может претендовать на большую долю сотысячного состояния и который уже предъявил соответствующий иск. Другое лицо – тёща Максименко Варвара Дубровина, ненавидевшая зятя, одна из несноснейших и типичнейших в мире тещ. Да, их в доме в момент убийства не было, но разве нельзя предположить, что руки

истинного убийцы могли быть удлинены другими, преданными руками?

Думается, что именно в этой зыбкой области предположений и лежит правда о виновнике гибели Николая Максименко.

Так посчитали и присяжные. На вопрос о факте преступления они ответили положительно, но виновными, как и их коллеги в Ростове-на-Дону, Аристарха Резникова и Александру Максименко не признали. Подсудимые были оправданы. «Дело Максименко» вошло во многие учебники по юриспруденции как образец умения пользоваться аргументами и тщательной проработкой доказательной базы.

А Николай Иосифович Холева в последний период своей жизни часто выступал в так называемых литературных процессах, защищая редакторов и сотрудников редакций, обвинённых в клевете.

Он также был избран почётным мировым судьей города Керчи, принимал участие в работе комиссии при этнографическом отделении Императорского географического общества по собиранию «юридических обычаев». Но в звании присяжного поверенного Санкт-Петербургской судебной палаты он оставался до своей смерти, последовавшей в 1899 году на 42-м году жизни на почве нервного переутомления.

Его современник Антон Павлович Чехов пережил защитника «мужеотравительницы Максименко» всего на пять лет.

***

ВРАЧ ТЮРЕМНОЙ БОЛЬНИЦЫ

В письме 1893 года из Мелихова А. П. Чехов, упоминая своих гимназических товарищей, называет Марка Крассо, живущего и работающего врачом в Ростове. Здесь же он сожалеет о том, как мало знает о своих бывших друзьях.

А они через десятилетие вспоминали, что «... все без исключения любили Чехова, хотя ни с кем ... он особенно не сближался. Со всеми он был искренен, добр, прост и сердечен, но никто из нас исключительной дружбой его похвастаться не мог. Несмотря на общее к себе расположение, Чехов все-таки производил впечатление человека, ушедшего в себя. Никого он не чуждался и не избегал, но от товарищеских пирушек уклонялся и в свойственных школьному возрасту шалостях не участвовал. Всем была известна его исключительная склонность к чтению беллетристических произведений, которому он отдавал все свои досуги».

Судя по этим воспоминаниям, Марк Крассо в гимназической жизни был полной противоположностью Антону Чехову. Проявлял себя яркой открытой личностью, слыл «героем в товарищеской среде» гимназистов.

Если бы Антон Павлович, в очередной раз останавливаясь в Ростове у своего друга Л. Ф. Волкенштейна, открыл «Донско-Азовский календарь» за 1889 год, издававшийся тогда в Ростове, то прочитал в списке врачей города имя своего однокашника Крассо, работавшего в тюремной больнице. Читая тот же календарь в 1891 году, узнал бы, что Крассо входил в Ростовское окружное попечительство о тюрьмах в

качестве врача тюремной больницы, не имея чина. А если бы ему встретился тот же календарь и за 1893 год, то знал бы, что уже тогда *«Красса Марк Фёдорович – врач в Затемерницком поселении»*.

Уже из этих скупых строк складывается облик человека, близкого Антону Павловичу по профессии и по нравственному складу личности.

Еще больший интерес к Марку Крассо (*Красса – так иногда называли его фамилию справочники – прим. Л. В.*) вызывают известные ныне сведения о том, что одновременно в Ростове проживали его братья – Андрей Фёдорович и Иван Фёдорович, причём первый из них состоял управляющим отделения Азово-Донского банка, другой возглавлял одну из банковских комиссий.

Родословная этой семьи началась в соседнем Таганроге в конце XVIII века – во время поселения там греков. В списках для раскладки земли за 1811 и 1813 годы мы встречаем фамилии сержанта Ивана Крассо и его сына Георгия – основателей этой фамилии.

Следующее поколение семьи Крассо уже было приписано к мещанскому сословию. А в конце XIX века наиболее удачливый в коммерческой деятельности член этой семьи Андрей Фёдорович Крассо возглавляет в бурно развивающемся Ростове отделение преуспевающего банка, имеющего основной капитал 7,5 миллиона рублей. Причём он входит в правление банка около 20 лет.

Совсем другим был его брат Марк Фёдорович – врач по образованию, избиравший самые непрестиж-

ные места работы на окраинах города. И, судя по всему, отказываясь от покровительства влиятельного брата банкира, благодаря родству с которым мог бы получить удобное доходное место и чин.

Для полного впечатления расскажем о тех поприщах, на которых приходилось служить Марку Крассо в Ростове.

Каменное здание тюрьмы на углу Богатыновского и Сенной улицы существовало в Ростове с середины 1860-х годов. Тогда это была северная окраина города. За два года до появления здесь М. Крассо старшим директором тюрьмы был предводитель дворянства Сарандинаки, директорами – товарищ прокурора Таганрогского суда А. Н. Разумовский и ростовский полицмейстер коллежский асессор И. М. Зайцев. При тюрьме существовали церковь во имя Св. Сергия и больница. До 1889 года врачебную помощь в тюремной больнице эпизодически оказывал городской врач.

В те годы ростовское тюремное здание уже стало окружной тюрьмой, приток арестантов увеличивался, потребность во врачебной помощи возросла, что и побудило учредить должность врача тюремной больницы. Её, как уже говорилось, с 1889 года занимает Марк Крассо. Ростовские календари и справочники свидетельствуют, что около двух лет он исполняет эту должность, квартируя в частных домах рядом с площадью Нового базара.

Имя М. Крассо – как врача тюремной больницы – упоминается и на страницах газеты «Донская пчела», освещающей громкий ростовский судебный процесс «мужеотравительницы Максименко», в своё время

привлекавший внимание Антона Павловича. Интересно, что на этом процессе М. Крассо выступает в роли судебно-медицинского эксперта, а другой гимназический товарищ А.П.Чехова Лев Волкенштейн – в роли адвоката.

В 1891 году, когда городская дума выделяет для Затемерницкого поселения должность одного бесплатного врача для бедных, он покидает стены тюремной больницы и продолжает медицинскую практику на этой западной рабочей окраине Ростова.

В те годы здесь на одного врача приходилось 30 тысяч жителей. Основными болезнями, с которыми приходилось ему бороться, были дифтерия, скарлатина, оспа.

Точно сказать, сколько лет он работал в Затемерницком поселении, сегодня мы не можем. Несомненно лишь то, что в 1896 году его имя уже не значится на страницах ростовских справочников. Вероятно, М. Крассо покидает Ростов и продолжает медицинскую практику в другом городе или селении Российской империи.

***

КНИГОПРОДАВЕЦ И ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

Самый загадочный из ростовских знакомцев А. П. Чехова – Фёдор Степанович Романович. О нём читаем в письме А. П. Чехова, который после выхода книги «Пёстрые рассказы» писал издателю Лейкину: *«Будьте добры распорядиться, чтобы Анна Ивановна отправила наложным платежом пять экз. «Пёстрых рассказов» по адресу г. Ростов н/Д, книжный магазин*

Фёдора Степановича Романовича, Московская ул., скидка 30%».

Анна Ивановна служила конторщицей в редакции «Осколков» и, вероятно, ведала рассылкой книги в магазины. Трудно представить, чтобы Чехов посылал свои книги неизвестному книготорговцу, называя его по имени-отчеству, и в неизвестный магазин.

Как случилось их знакомство, и были ли у них иные интересы, кроме книготорговли? Думается, что Фёдор Степанович не взялся бы продавать книги автора, таланту которого не сочувствовал.

В Ростове книжный магазин на Московской улице был хорошо известен.

В конце XIX века в газете «Приазовский край», пестревшей многочисленными объявлениями, часто встречалось и такое: *«В книжном магазине Романовича покупают по хорошей цене древние монеты, археологические вещи, грамоты, рукописи, жалованные ковши, оружие и вообще памятники старины».*

Двухэтажный дом, где на первом этаже помещался магазин, не принадлежал Романовичу. Владелец его, купец Яценко, весь первый этаж сдавал в аренду для торговли. Арендатором Фёдор Степанович, судя по данным городских справочников, был более 15 лет.

Модное увлечение выделяло его из торговой среды. Был он коллекционером, собирателем древностей. Из того же «Приазовского края» мы узнаем, что Ф. С. Романович в конце XIX века собрал коллекцию из найденных в Ростове на территории бывшего Темерницкого городища античных монет и плит с греческими надписями и предложил её для приобретения Новочеркасскому Войсковому музею. Но покупка

не состоялась, и дальнейшая судьба коллекции неизвестна.

Сегодня мы также знаем о попытке Фёдора Степановича в 1896 году продать в Эрмитаж золотую скифскую пластину и о его переписке с Санкт-Петербургской Археологической комиссией по поводу продажи золотых курганных древностей.

Всё это позволяет предположить, что знакомство Романовича с Чеховым могло состояться и в Москве, и в Петербурге, но всё же автору этих строк представляется, что оно произошло в Ростове. В двух кварталах от магазина Романовича в те годы проживал соученик А. П. Чехова по гимназии Лев Волкенштейн, с которым он поддерживал дружеские отношения и у которого неоднократно бывал.

Книга «Пёстрые рассказы», продававшаяся в магазине Романовича, вышла в начале 1886 года тиражом 2500 экземпляров.

В конце года Чехов сетовал в письме к М. В. Киселёвой: *«Увы и ах! В Питере я становлюсь модным, как «Нана» ... Для меня это лестно, но моё литературное чувство оскорблено ... мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет замечать слонов, и я глубоко верую, что меня ни одна собака знать не будет, когда я стану работать серьёзно...»*.

Как видим, отношение к столичной читающей публике у Чехова было скептическим. А вот о желании иметь читателей в провинции говорит сама посылка книги в ростовский книжный магазин.

Ещё одно упоминание о книжном магазине в центре Ростова на Московской улице мы находим в вос-

поминаниях известного театрального антрепренёра Н. Н. Синельникова. В 1897 году в указанном магазине он купил брошюру с одной из первых пьес А. П. Чехова «Дядя Ваня». Благодаря этому случаю вскоре состоялась постановка пьесы на сцене Асмоловского театра.

Как сложилась судьба Фёдора Степановича и его магазина? Справочники свидетельствуют, что антикварную и книжную торговлю в Ростове он вёл до 1904 года. В этом же году весной он помог Петербургской Археологической комиссии разоблачить «горного техника» Д. Г. Шульца, два года занимавшегося перепродажей и переплавкой золотых курганных древностей. Благодаря Фёдору Степановичу были спасены золотые чаши из Келермесских курганов, представлявшие выдающийся научный интерес и уникальную художественную ценность.

Келермесские находки являлись древнейшими изделиями скифского искусства на юге России, относящимися к началу VI века до нашей эры. К сожалению, лишь часть их уцелела. Иные погибли в руках невежественных и корыстных перекупщиков.

Представитель Археологической комиссии Н. И. Веселовский, приехавший в Ростов по письму Ф. С. Романовича, после выяснения обстоятельств направился к месту, где «горный техник» продолжал раскопки. Там Д. Г. Шулец был арестован, открытый лист на раскопки, полученный обманным путём, отобрали.

После 1904 года Фёдор Степанович по неизвестным причинам покинул Ростов и переехал в Минск. Оттуда около 1910 года перебрался в Германию. Но перед отъездом вновь предлагал для покупки свою коллек-

цию древностей Императорской Археологической комиссии. Далее следы его теряются...

А сегодня иногда всплывают в частных собраниях золотые скифские древности, входившие в его собрание. Перечень их мы находим в его переписке с Археологической комиссией предреволюционных лет. И, пожалуй наиболее известная из того перечня – золотая скифская пластина, в подлинности которой до сих пор сомневаются специалисты. Она пребывает ныне в Лувре в зале легендарных поддельных шедевров. Там же, где и уникальная «Тиара Сайтафарна», сделанная одесским ювелиром И. Рахумовским и купленная как подлинное произведение искусства.

Хочется надеяться, что новые исследования переписки и документов, связанных с жизнью А. П. Чехова, прояснят его отношения с ростовским книгопродавцом и собирателем древностей.

***

ЧЕХОВ И АСМОЛОВСКИЙ ТЕАТР

В 1882 году владелец табачной фабрики В. И. Асмолов получил от городской думы Ростова разрешение на строительство «концертного зала» на участке собственной земли на Таганрогском проспекте (ныне проспект Будёновский. Южный край этого участка сейчас занимает городской Дом ветеранов).

Напрямую получить разрешение на возведение именно театрального здания он не мог, так как в думе существовало мощное лобби владельцев Гайрабе-

товского театра (располагался на месте нынешнего здания администрации города на углу Большой Садовой и Николаевского проспекта – ныне проспекта Семашко и представлял собой большое деревянное строение, более похожее на сарай), озабоченных тем, чтобы в городе не появлялось другого театрального здания, которое могло бы составить – по размерам зала – достойную ему конкуренцию.

19 октября 1883 года в театре, который в городе сразу стали называть Асмоловским, прошло первое представление. Театр был построен в кратчайший срок, практически за год, и стал фактически первым основательным каменным театральным зданием в Ростове-на-Дону со зрительным залом в 1100 мест и прекрасной акустикой (Александр Вертинский пел в его зале в 1919 году без микрофона и имел колоссальный успех!).

Авторство проекта здания, чей фасад был выполнен в стиле эклектики с использованием архитектурных мотивов русского зодчества и ренессанса, приписывают московскому архитектору В. О. Шервуду, создавшему проект здания Исторического музея на Красной площади. Театр имел прекрасно оборудованную сценическую площадку и являлся одним из лучших на юге России.

В начале XX века В. И. Асмолов продал театральное здание адвокату Л. Ф. Волкенштейну (соученику А. П. Чехова по таганрогской гимназии) и коммерсанту И. М. Файну. Новые владельцы, в свою очередь, в предреволюционные годы продали его коммерсанту-инженеру Гордону.

Жизнь этого театрального здания оказалась короткой – оно просуществовало 37 лет. В предреволюционные годы театр назывался уже просто Ростовским.

По установлению Советской власти в городе в 1920 году театр получил имя наркома просвещения А. В. Луначарского. В результате возникшего в ночь на 28 ноября этого года пожара огромное строение сгорело. Театральная труппа стала работать в здании зимнего клуба приказчиков, располагавшемся по соседству в городском саду и по своему внутреннему убранству и внешнему виду выглядевшее более чем скромно по сравнению со зданием на Таганрогском проспекте.

Постановки чеховских пьес на сцене Асмоловского театра, случившиеся ещё при жизни писателя, – продолжение попытки привить городу вкус к драме, которая увенчалась успехом.

Впрочем, мнение рецензентов в оценке вышеуказанных постановок в рамках даже одной и той же газеты расходились полярно. Так, в «Приазовском крае», который Чехов получал регулярно, и в 1901 году можно было прочесть такое: *«Краса и гордость современной русской литературы, писатель, обладающий удивительным по блеску и выразительности языком, Антон Чехов создал ряд оригинальных и высокохудожественных драматических произведений. Произведения Антона Чехова в связи с попытками театра Станиславского пробудили в русском обществе глубокий интерес к театру. Журналы и газеты стали уделять театру столько внимания, сколько, кажется, никогда ему ещё не уделялось.»*

При таких условиях хорошо быть артистом, хорошо работать на сцене. К сожалению, артисты в массе своей всё ещё не понимают причины возрождения в

обществе интереса к театру и стремятся быть в оппозиции к новым веяниям. Они презрительно относятся к произведениям Чехова. Посмеиваются над драмами Ибсена, возмущаются принципом режиссёрского господства, положенного в основу театра Станиславского, и тяготеют к эффектным и вычурным произведениям драматургов».

Однако успех сопутствовал постановке «Чайки» на Дону в декабре 1896 года, о чём писал Чехову городской голова Таганрога П. Ф. Иорданов, а в ноябре 1897 года в постановке известного провинциального антрепренёра и режиссёра Н. Н. Синельникова – огромный успех «Дяди Вани» в котором рецензенты особо выделяли Самойлова (Астрова).

Вот как описывает Николай Николаевич встречу с драматургией Чехова, состоявшуюся именно в Ростове: *«Как-то остановился у книжного магазина. Читаю название выставленных в витрине книг: «Чехов «Дядя Ваня»». Покупаю. Прочёл. Собрал товарищей и поставил.... Публика в восторге. Овации – мне, труппе. Крики: «Телеграмму – автору!». Составили и послали. Это было в те времена, когда Антон Павлович ещё не был знаменитым драматургом. Чехов, получив телеграмму, запрашивает письмом местного адвоката Волкенштейна, товарища по таганрогской гимназии. Просит объяснения телеграммы. А в то время, надо сказать, пьесы ставили без особого на то разрешения автора. И Антон Павлович не подозревал, что его «Дядю Ваню» где-то играют. Возможно, что наша постановка была первой в России».*

Действительно, «Дядя Ваня» – пьеса, чуть ли не единственная, которая сначала была напечатана, а

потом уже поставлена. Причём – сначала на сцене провинциальной. Её премьера в Московском Художественном театре состоялась двумя годами позже ростовской постановки.

И ещё одно яркое впечатление Синельникова ростовского периода. В 1894-м (а именно в этом году он получил предложение от В. И. Асмолова арендовать принадлежавший ему в Ростове-на-Дону театр) к нему пришла миниатюрная женщина с желанием работать на сцене. Причем играть старух.

- Почему же старух? - поинтересовался режиссёр. - Вы - молодая женщина...

- Только старух! - ответ был твердым.

Это была Мария Михайловна Блюменталь-Тамарина, впоследствии – известнейшая русская актриса. Именно она и сыграла няню в имевшем оглушительный успех «Дяде Ване».

Первое представление в Ростове пьесы «Три сестры» прошло на сцене Асмоловского театра 16 октября 1901 года.

«...Пожалеет, конечно, - писал В. А. Хавкин, журналист «Приазовского края», 18 октября 1901 года, - что мы с вами лишены возможности присутствовать при образцовом воплощении чеховской драмы. Но значительно умерив на этот раз наши требования, смело скажем, что спектакль 16 октября оставил у нас самые приятные воспоминания. Не все исполнители одинаково прониклись сложной и интимной психологией действующих лиц, но не было грубых противоречий авторским намерениям, не было за уши притянутых эффектов, смысл нигде не искажался излюбленными актёрскими приёмами. Ничто в постановке не отзывалось надоевшей до тошноты сценической

рутиной. Это уже огромная заслуга артистов и режиссёрской части, о которой грешно было бы умолчать».

1904 год – постановка «Вишнёвого сада», «имевшая крупный художественный успех», как писала всё та же газета. И Антон Павлович в письме к Ольге Леонардовне упоминал о нём: «А «Вишнёвый сад» даётся во всех городах по три, по четыре раза и имеет успех, можешь ты себе представить. Сейчас читал про Ростов-на-Дону где идёт в третий раз».

Спектакль ростовчан – о том, что красота не продается, вот почему Раневская не может принять предложение Лопухина, которого в этом спектакле играл Собоьщиков-Самарин.

Он, взявший в 1908 году театр в аренду, продолжил прививать ростовцам (так называли тогда жителей города) любовь к драматическому искусству. Основной репертуар Асмоловского театра держался тогда на именах таких драматургов, как Толстой и Тургенев, Островский и Чехов.

Известная актриса П. Вульф сыграла на этой сцене в постановках Собоьщикова-Самарина Нину Заречную («Чайка»), Аню («Вишнёвый сад»), Ирину («Три сестры»).

В своей книге воспоминаний «В старом и новом театре» она писала: «...Играла я в пьесах Чехова с любовью и наслаждением. И не я одна... Наше серьёзное, трепетное отношение к чеховским пьесам заражало публику, и Ростов, город наживы, коммерческих комбинаций, оценил и полюбил Чехова».

Сам режиссёр Собоьщиков-Самарин в последней постановке сыграл Андрея Прозорова. «Я до сих пор вижу, - писал об этой роли Б. Анненский, - эту боль-

шую грустную фигуру опустившегося и заеденного жизнью интеллигента, провозящего по сцене колясочку с ребёнком».

С именем Константина Марджанова связан такой чеховский спектакль на сцене Асмоловского театра, как «Три сестры» 1914-го года. Газета «Приазовский край» 10 августа 1914 года публикует весьма занимательную беседу с антрепренёром А. Гришиным:

...- В каком направлении вы поведете первую атаку?

- В испытанном направлении реального искусства. Для начала «Три сестры».

- Это остроумно. Три сестры: Россия, Франция и Англия... Пьеса принадлежит перу Сазонова (военный министр того времени – прим. автора)?

- «Три сестры» Чехова.

- А! Там прекрасные русские артиллеристы. Вершинин командует бригадой? И занавес последнего акта падает под звуки походной музыки...

- Совершенно верно.

- Вы, конечно, намерены обойтись без германских зверств? «Разбойники» Шиллера не будут стрелять и грабить в ваших декоративных лесах?

- Мы не поднимали пока этого вопроса...

Среди исполнителей ролей в спектакле Марджанова – Зарайская (Маша), Янова (Ирина), Нароков (Вершинин), Васильев (Тузенбах), Матрозова (Няня).

Газета «Приазовский край» продолжала фиксировать новое отношение к пьесе Чехова и в своей рецензии: *«Чехов – история! Вы можете протестовать против этого, но это так. И не почувствовал ли это К. А. Марджанов, так бережно, так любовно воскресив-*

ший перед нами печаль и тоску старой России?.. В жизни, в обстановке людей так много изменилось... Всё старание, вся любовь к Чехову, весь талант режиссёра, всё то блестящее и прекрасное, что принёс в наш серый и тусклый провинциальный театр Марджанов, разбилось о наше настроение... Но это всё же прекрасно. В первый же день театр должен был напомнить, что он театр».

***

ГИМНАЗИЧЕСКИЙ ДРУГ

Дружеские отношения Антона Павловича и Льва Филипповича Волкенштейна закрепились бурным эпизодом ещё из гимназической жизни, который известен по воспоминаниям, хранящимся в фондах Таганрогского государственного литературного историко-архитектурного музея-заповедника.

Как-то раз выпускной класс отказался писать очередное сочинение, единственным, кто не выполнил этого хорошего решения, был Лёвушка Волкенштейн.

...Один из одноклассников презрительно обозвал его «жидом». Волкенштейн ответил пощёчиной, за что был уволен из гимназии. Чехов, тогда ученик седьмого класса, узнав о случившемся, уговорил учеников восьмого класса подать коллективное заявление об оставлении всем классом гимназии, если «*Волкенштейн не будет принят обратно...*» Перепуганное начальство уступило. Лёвушку вернули в гимназию.

Было в отрочестве у Антона Чехова и Льва Волкенштейна общее увлечение – театр. И оба остались верны ему на всю жизнь. Антон Павлович, став литерато-

ром, обратился к драматургии. Лев Филиппович окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1890-е годы был уже присяжным поверенным в Ростове-на-Дону, а в начале XX века совместно с предпринимателем И. М. Файном стал совладельцем самого большого в городе Асмоловского театра.

В дневниковой записи Чехова, сделанной летом 1896 года, читаем: *«Из Таганрога выехал 24 августа. В Ростове ужинал с товарищем по гимназии Львом Волкенштейном, уже имеющим собственный дом и дачу в Кисловодске».*

Собственный дом, который упоминает Чехов, располагался на углу Старопочтовой улицы и Казанского переуллка (ныне – ул. Станиславского и пер. Газетного) напротив Ремесленной синагоги (разрушена в 1941-1943 годах). Одноэтажное жилое строение было куплено в 1890 году. После основательного ремонта его фасады украсил лаконичный классицистический декор: рустовка, пилястры, фриз, аттики над венчающим карнизом.

А между пилястрами на восточной стене появился лепной геральдический щит со львами, указывающий на благородное происхождение владельца. С середины 1890-х годов удачливый юрист проживал в этом доме с женою Софьей, двумя дочерьми и малолетним сыном.

Жители дома предполагали, что во время той августовской встречи Чехова с ростовским театралом обсуждались возможности постановки водевилей и пьес Антона Павловича на сцене городских театров. Прямого подтверждения этому нет. Но всё тогда благо-

приятствовало этому. В те годы на сцене Асмоловского театра работал известный русский антрепренёр Н. Н. Синельников, прилагавший усилия, чтобы привить ростовской публике вкус к драме. Вокруг него собрались талантливые актёры.

Да и само здание, недавно выстроенное в популярном тогда «русском стиле», привлекало публику. Так что пьесы Чехова просто не могли миновать сцены Асмоловского театра.

20 ноября 1896 года, мучительно переживая неуспех «Чайки» на сцене Императорского Александрийского театра, Чехов спрашивал в письме к П. Ф. Иорданову:

«В Таганроге играли Чайку? Но откуда они взяли её? Ведь она ещё нигде не напечатана и появится на свет лишь 15 декабря в «Русской мысли». По какому же экземпляру играли в Таганроге? Воображаю, как и что они играли!».

«Экземпляр пьесы, - объяснял в ответном письме Иорданов, - удалось достать через театральный отдел газеты «Новости». Шла ваша «Чайка» с очень хорошим ансамблем. Спектакли были показаны также в Ростове и Новочеркасске».

Впоследствии, проживая в Ялте, А. П. Чехов узнавал о постановках в Ростове пьес «Дядя Ваня» (1897), «Три сестры» (1901), «Вишнёвый сад» (1904).

Думается, что не без участия давнего гимназического друга писателя состоялись эти ростовские постановки.

А вот как вспоминает сам Лев Филиппович одну из их встреч в Москве: *«... Нашим товарищем был так-*

же В. Вишневский – один из талантливых артистов Московского Художественного театра. В антракте мы зашли в уборную В. Вишневского. Обрадовались встрече и после спектакля посидели в «Большой Московской». Стали вспоминать Таганрог, нашу молодость, как нам жилось. Вишневский, между прочим, сказал: «А жизнь не затерла нас...». И Антон Павлович подхватил: «Росли мы без всякого умелого присмотра. Можно сказать, сами себя выращивали».

Ростовский Дом Льва Волкенштейна, где он встречался с Чеховым, сохранился и сегодня. В 1930-е годы дом был надстроен двумя этажами. С августа 1943 года десять лет его занимало Азово-Донское пароходство, затем здание вновь стало жилым.

При расспросах жильцов о бывшем владельце дома довелось услышать имя Льва Волкенштейна, они также рассказали о визитах к нему Антона Павловича, об их дружбе. Утверждали, что слышали всё это от своих соседей, проживавших здесь ещё в довоенные годы. Вот только, что стало с ним в советское время, рассказать не смогли. Ответ на этот вопрос довелось найти через несколько лет после этого разговора, открыв книгу «Незабытые могилы. Российское зарубежье 1917-1997 гг.».

Это уникальное издание оказалось в Донской государственной публичной библиотеке. В первом томе на 604-й странице сообщалось, что Лев Волкенштейн умер 30 мая 1935 года в Париже. Находясь в эмиграции, он сотрудничал с журналом «Иллюстрированная Россия».

А по сведениям ростовского краеведа и театроведа Ю. Немирова, в 1934 году на страницах этого журна-

ла были опубликованы его воспоминания об А. П. Чехове.

Портрет присяжного поверенного Л. Ф. Волкенштейна удалось обнаружить на страницах юбилейного номера «Приазовского края», посвящённого 25-летию газеты, в которой он числился юристом.

***

ГОСТЬ РОСТОВСКОГО ВОКЗАЛА

Выпустив первые книги и почувствовав некоторую финансовую самостоятельность, Антон Павлович становится неугомонным путешественником.

Писательское ремесло требовало свежих впечатлений, непосредственного общения, знания жизненных обстоятельств людей разных социальных положений. Этому помогали даже непродолжительные поездки.

О своём пристрастии к путешествиям он сам говорит в одном из писем к издателю Н. А. Лейкину: *«Ах, будь у меня лишних 200-300 рублей, показал бы я кузькину мать! Я бы весь мир объездил!»*.

Постоянно испытывая финансовые затруднения, имея с детства слабое здоровье, за свои 44 года писатель успел побывать на дальних островах Сахалин и Цейлон, в городах Европы (Вена, Флоренция, Венеция, Генуя, Рим, Монте-Карло, Париж, Ницца, Баден-Вейлер и др.), в Закавказье, Крыму, не говоря о других среднерусских и южнорусских городах. А уж в Таганрог он приезжал неоднократно. Документально зафиксированы его приезды в город детства в 1881, 1887, 1894, 1896, 1899 годах.

В большинстве путешествий по российским городам Антон Павлович становился пассажиром железных дорог, строительство которых шло по всей России во второй половине XIX века. Во многих поездках маршруты писателя проходили через Ростов-на-Дону, в котором тогда сходились три железные дороги: Курско-Харьковско-Азовская; Козлово-Воронежско-Ростовская и Ростово-Владикавказская.

Ростовский вокзал, на котором неоднократно приходилось бывать А. П. Чехову, возводился по договору между управлениями этих трёх железных дорог. Совершая пересадку на Ростовском вокзале, выходя на привокзальную площадь, он, вероятно, сравнивал его с хорошо знакомым таганрогским вокзалом, возведённым в год его поступления в гимназию (1869).

В письмах Антона Павловича мы читаем о его планируемых и случайных посещениях города на берегу Дона. Пространное письмо, адресованное М. П. Чеховой в 1887 году, рассказывает о поездке в Новочеркасск из Таганрога, где он сообщает: *«На Морской станции чудный воздух и зернистая икра 70 коп. за фунт. В Ростове ожидание 2 часа ...»*.

1 апреля 1888 года Т. С. Савельеву он пишет из Москвы: *«В Ростове я буду не раньше июня»*. В следующем году после этой поездки сообщает: *«Летом я был на Кавказе, но шатание по Батумам, Тифлисам и Баку так утомило меня, что я еле добрался до Ростова»*.

Тогда он совершал пересадку с Ростово-Владикавказской линии на Курско-Азовскую и увидел свой Таганрог лишь из окна вагона.

Осенью 1897 года из Ялты, отвечая на письмо Веры Комиссаржевской, которая, узнав о его болезни, про-

сила обратиться к ростовскому врачу Васильеву, он писал: *«Когда я поеду к себе на родину в Таганрог, то побываю по-соседству в Ростове и повидаюсь с Васильевым, о котором я уже читал и слышал. Не спешу, потому что, во-первых, в Ростове теперь холодно, а во-вторых, нет особенной надобности торопиться, так как дела мои не так уж плохи...»*.

К сожалению, встреча эта не состоялась.

А годом раньше 24 августа 1896 года он в очередной раз побывал в Ростове у товарища по гимназии Л. Ф. Волкенштейна, не минуя при этом Ростовского вокзала.

Вокзал возвели в 1875 году на земле, выделенной городской думой под железнодорожное строительство.

По тому времени это был крупнейший на юге России пассажирский вокзал 1-го класса, расположенный в пойме реки Темерник. Монументальное трёхэтажное здание размещалось вдоль Железнодорожных путей, на перроне между фасадом и самой железнодорожной линией устроили широкий навес на фигурных металлических стойках.

Первый этаж занимали залы ожидания классов, буфет; второй этаж – служебные помещения вокзала, на третьем впоследствии разместились административные помещения Ростово-Владикавказской железной дороги.

Фасады здания были оформлены в так называемом кирпичном стиле с использованием элементов классицизма, ренессанса и барокко. Центральный повышенный объём здания имел парадный выход в город, над ним был сооружён навес в виде трёх полуцир-

кульных покрытий. Привокзальная площадь имела булыжное мощение. Здесь постоянно дежурили пролётки, ожидая пассажиров, выходящих с прибывающих поездов.

Фотографии ростовского вокзала печатались во многих городских справочниках и газетах. Думается, что Антон Павлович видел их ещё до первого проезда через Ростов.

О том, какое влияние на творчество писателя оказали путешествия в синих российских вагонах, пребывание на вокзалах, знакомства и разговоры со служащими железных дорог, можно представить себе, перечитав его рассказы «Пассажир первого класса» (1887), «Печенег» (1888), «Холодная кровь» (1887), «Тонкий и толстый» (1883) и другие. Они познакомили читателя с той сферой российской действительности конца XIX века, которая ещё не появлялась на страницах литературных журналов, они сделали её объектом художественного творчества, а действующих в ней лиц – литературными героями.

***

ТОВАРИЩ ПО ПЕРЕПИСКЕ

А. П. Чехов всегда проявлял повышенный интерес к таким местным газетам, как «Таганрогский вестник» и «Приазовский край». В них он находил новости из мест, где родился и вырос, где жили и работали его друзья и коллеги, где читали его рассказы и ставили пьесы. И главное – его литературный герой был

человеком из провинции, и её жизнь не могла не волновать писателя.

Особенные отношения с 1896 года связывали Антона Паловича с редакцией издававшейся в Ростове газеты «Приазовский край», когда здесь начал работать талантливый журналист А. Б. Тараховский, возглавлявший её таганрогский отдел.

Абрам (Авраам) Борисович (Беркович) Тараховский был одним из пяти детей небогатой мещанской еврейской семьи. Он, так же как и А. П. Чехов, учился в Таганрогской гимназии. Спектакли, поставленные на сцене городского театра, вдохновили его на создание первых статей, которые были опубликованы в местной газете под его настоящим именем и стали причиной увольнения из гимназии. Но это не остановило стремление юного таганрожца к литературной деятельности. Он продолжает публиковать свои статьи на страницах «Таганрогского вестника» под псевдонимами «Д. Да-ров» и «Шиллер из Таганрога».

Вот что писал о нём его современник, историк Таганрога П. П. Филевский: *«Он первый возбудил живой интерес к местной прессе, смело обличал местных деятелей и магнатов, ...обличал он и ходульные добродетели реченных благодетелей, и инертность общества, и своекорыстие деятелей иногда, может быть, с излишним азартом и увлечением, но всегда искренним».*

Переход А. Б. Тараховского в «Приазовский край» позволил обрести большую независимость от местных авторитетов и в большей степени способствовал раскрытию его литературного дарования. На газетной по-

лосе он ведёт раздел «Арабески», посвящённый Таганрогу.

Избираемые им сюжеты рисуют живую панораму городской жизни. Они рассказывают о народном образовании в начальной школе; о смерти инспектора Дьякова, завещавшего два дома и состояние «*на вспоможение бедному учительству*»; о сборе пожертвований на общество Красного Креста; о деятельности таганрогского комитета народной трезвости; о конфликте между врачами скотобойни и городской управой; о студентке, пожертвовавшей бриллиант из фамильного кольца для раненых, вдов и сирот и на усиление флота. Не обходит он вниманием думские заседания, выборы директора городского банка, судебный процесс между врачами и провизорами, жизнь таганрогского купеческого общества и многое другое.

Острота затрагиваемых тем порою вызывает бурные отклики читателей. Он сам сетует в переписке: «*Получил много писем самого грозного содержания. Обещают и избить, и убить!*». Из газет известно по крайней мере о двух случаях подачи в суд на провинциального журналиста «за клевету» от преподавателей гимназий – в 1899 и 1913 годах. И в обоих случаях в ходе судебных разбирательств А. Б. Тараховского оправдывают.

Но только литературной деятельности оказалось мало для незаурядной энергичной натуры Абрама Борисовича. В разные годы он входил в правление общества нуждающихся одной из женских гимназий Таганрога; был активным членом городского комитета попечительства о народной трезвости; работал в

правлении Таганрогского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом.

Яркие, талантливые публикации А. Б. Тараховского не могли не привлечь внимания А. П. Чехова. Во время приезда в город детства в 1894 году он познакомился с «Шиллером из Таганрога» в редакции газеты «Таганрогский вестник», впоследствии несколько раз встречался с ним и переписывался. Столичный писатель и провинциальный журналист были интересны друг другу. В личных разговорах и письмах они обменивались мнениями о предназначении журналистики, сферах её влияния, месте в российском обществе, отношении журналиста к читающей публике, о взаимоотношениях самих журналистов.

В 1899 году (26 ноября) в письме к А. Б. Тараховскому А. П. Чехов отправляет воззвание о сборе средств для неимущих туберкулезных больных в Ялте. Просит напечатать хоть несколько строк в «Приазовском крае». Тараховский не только печатает воззвание, но и помещает небольшую редакционную статью. Впоследствии он собирает пожертвования, поступающие в редакцию, и отправляет их в Ялту или в правление Ялтинского благотворительного общества для попечительства о приезжих больных.

Интересны своими непосредственными впечатлениями и размышлениями отзывы А. Б. Тараховского в «Приазовском крае» на постановки в Таганроге – «Чайки» (1896) и «Вишнёвого сада» (1904). Таким глубоко личным переживанием и волнением проникнуты строки этих отзывов, что рядом с заголовками появляется приписка: *«Редакция считает нужным*

оговорить, что она не вполне разделяет мнение, высказанное автором».

В том же 1904 году, тяжело переживая кончину Антона Павловича, А. Б. Тараховский уже через месяц публикует воспоминания о нём. В середине июля на страницах «Приазовского края» он рассказывает читателям о своих встречах с писателем, его размышлениях о российской действительности. Через горечь утраты он уже пытается оценить значение творчества и личности А. П. Чехова для России.

Здание, в котором размещались редакция и типография газеты, сохранилось до наших дней. Расположено оно на углу Братского переуллка и Большой Садовой улицы. Построенное в конце 1880-х, с середины 1890-х оно арендовано «Донским акционерным обществом печатного и издательского дела», которое являлось владельцем газеты. С 1897 года здание стало собственностью акционерного общества. На его втором этаже располагалась редакция, на первом – типография, со двора и по переулку впоследствии появились пристройки.

На Большую Садовую выходил главный изначальный двухэтажный корпус. Архитектурные детали его фасадов воспроизводили классический декор в упрощённом кирпичном исполнении. Угловую дугообразную часть здания завершал высокий купол, аттик по Большой Садовой имел второй ярус с дугообразным навершием.

Акционерное общество заботилось и о техническом оснащении типографии. В начале XX века для неё приобрели ротационную печатную машину, дающую шесть тысяч оттисков в час. С того времени по выпус-

каемому тиражу газета не имела конкурентов не только в Ростове, но и в Приазовье, и в Области Войска Донского.

Часто бывая в Ростове по делам редакции в её здании на Большой Садовой, А. Б. Тараховский с семьёй проживал в Таганроге. Его жена, получившая медицинское образование, вела частную практику. В 1891 году в их семье родился первенец Александр, через десять лет – дочь Мария.

В конце 1890-х Абрам Борисович становится совладельцем небольшой типолитографии, в которой печатаются программки, визитные карточки, календари, пригласительные билеты и т. п.

В 1909 году он начал издавать ежедневную литературно-политическую общественную и экономическую газету «Приазовская речь». 1 декабря вышел её первый номер; 31 октября 1910 года – последний (всего 311 номеров). Газета включала разделы: «Телеграммы», «Местная жизнь», «Жизнь округа», «Печать», «Театр и музыка» и др. За год в ней были опубликованы воспоминания об А. П. Чехове его друзей и соучеников по гимназии, воспоминания самого А. Б. Тараховского, произведения писателей – уроженцев Таганрога и Приазовья.

Всё это способствовало формированию общественного мнения города в поддержку строительства мемориальной библиотеки имени А. П. Чехова. 11 сентября 1910 года состоялась её закладка, а при освящении в 1914 году приглашения и программки печатались тоже в типографии А. Б. Тараховского.

25 сентября уже военного 1915 года на страницах газеты «Приазовский край» появляется сообщение от редакции: *«... А. Б. Тараховский – старейший из сотрудников нашей газеты. Работая в ней около 20 лет, А. Б. сроднился с изданием и, несмотря на жизнь в другом городе, принимал самое близкое и влиятельное участие в редакционных делах.*

В настоящее время, став членом издательства, А. Б. решил переехать из Таганрога в Ростов и стать непосредственно у дорогого ему дела общественного служения печатному слову».

В следующем году газета широко отмечала свой 25-летний юбилей (1891-1916). Тогда А. Б. Тараховский был одним из четырёх членов Правления Донского общества печатного и издательского дела, которому принадлежала газета. Одновременно он являлся редактором газеты, среди членов редакции в юбилейный год значился его сын Александр.

Абраму Борисовичу выпала нелегкая участь возглавлять газету в трагические годы гражданской войны, стать последним редактором «Приазовского края», которому он посвятил 25 лет жизни. Последний номер газеты отпечатали в декабре 1919 года – за несколько недель до вступления в Ростов Первой Конной армии.

Дальнейшая судьба многих оставшихся в Ростове сотрудников редакции, как и самого Абрама Борисовича, неизвестна. С начала 1920 года имя его теряется в череде последних трагических событий гражданской войны. По сведениям таганрогского краеведа О. Гаврюшкина, жена Абрама Борисовича – Ф. С. Тараховская – в 1920-е годы проживала в Таганроге

и умерла там в 1932 году. О судьбах его сына и дочери автору этих строк в настоящее время ничего неизвестно.

Письма Абрама Борисовича к Антону Павловичу до сих пор не найдены. Думается, что они могли бы открыть немало интересного.

***

ЖУРНАЛИСТ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Михаила Николаевича Псалти с полным правом можно назвать журналистом нового времени, так как он был среди тех, кто стоял у начала такого направления российской журналистики, как популяризация великих достижений научной мысли.

Остановимся на подробностях его биографии. Крайне мало известно о том, как приходили люди в журналистику до 1917 года, а путь сюда Михаила Николаевича ординарным никак не назовёшь.

Купеческий род Псалти – греческого происхождения, его представители были расселены по всему Азовскому побережью. Среди меценатов города Мариуполя замечены люди с такой фамилией.

В Таганроге Илья Псалти, купец третьей гильдии, занимался торговлей пшеницей в начале XIX века. Михаил Николаевич Псалти является его внуком. В ведомостях прихожан церкви во имя иконы Казанской Божьей Матери в Ростове-на-Дону в 1908 году значится вдова Мария Псалти 80 лет с племянницами Верой и Софией.

Михаил Николаевич Псалти родился 14 февраля 1865 года в Таганроге. Образование он получил сначала домашнее – и речь в данном случае идет не о приходящих учителях, а о его матери Анне Никифоровне, урождённой Поповой.

В 1891 году министром просвещения России она была назначена на должность начальницы Мариинской женской гимназии Таганрога. Она сама получила прекрасное образование в Елизаветинском институте, поэтому неудивительно, что Михаил Николаевич с детства знал европейские языки, и учение в гимназии давалось ему легко.

Там он и познакомился с Антоном Чеховым, будущим великим русским писателем. В отличие от него, вынужденного в последнем классе самому себе обеспечивать существование и потому не числящегося в первых учениках, Михаил Николаевич с блеском сдал выпускные экзамены. И путь в университет был ему предопределен.

Для продолжения образования он поступает в Московский университет на физико-математический факультет. К тому времени умирает его отец, и вся семья перебирается в первопрестольную. К тому времени там обосновались несколько таганрогских семей – Чеховы, Савельевы, Зембулатовы.

И, как свидетельствует историк Таганрога П. П. Филевский, несмотря на разницу в общественном положении, между ними завязались дружеские отношения. Университетский курс Михаил Николаевич усвоил основательно: зная почти все европейские языки, он не только знакомился с работами французских, немецких и английских ученых, своих современников, в

оригиналах, но и переписывался с итальянскими учёными по вопросам аналитической геометрии.

Дух университета не мог не сказаться на его взглядах на жизнь общества. В «Алфавите лиц, на которых заведены дела в Донском жандармском управлении» в списке дел 1888-1889 годов значится имя действительного студента Московского университета Михаила Псалти.

К сожалению, за давностью лет дело утеряно, и мы не знаем, в чём, по мнению жандармов, заключалась неблагонадёжность Михаила Николаевича. По окончании университета он был оставлен для научной работы при университете. Однако через два года переехал в Симферополь, где стала давать о себе знать болезнь спинного мозга, что заставляет его вернуться на родину, в Таганрог.

В Таганроге он получает место секретаря коммерческого суда. Служба была необременительна, оставляла много свободного времени, и вот тут потянуло Михаила Николаевича к перу. При этом, как опять же пишет П. П. Филевский, своих научных занятий он не оставлял.

А теперь вспомним, сколь немного университетов существовало в России второй половины XIX века. Количество выпускников естественнонаучных факультетов, ступивших на журналистскую стезю, неизвестно. Есть основание полагать, что таковых, как и сейчас, было крайне мало. А популяризировать тогда из достижений науки было что: начиналась эпоха великих открытий.

И Михаил Николаевич начинает писать о том, что знал более всего – об этих самых достижениях. К

сожалению, об этом нам становится известным из переписки и воспоминаний современников. Самих изданий увидеть не удалось.

Вот что пишет Антон Павлович Чехов Михаилу Николаевичу 20 сентября 1894 года из Аббации: *«Так как вы и Шелонский имели намерение написать мне осенью насчёт Сытина, то считаю нужным сообщить Вам, что в настоящее время я за границей и возвращусь в Россию не раньше ноября. В ноябре я к Вашим услугам. Ваш Антон Чехов».*

Речь в письме Михаила Николаевича к писателю шла о том, что он и Николай Николаевич Шелонский, сотрудник газеты «Приазовский край», намеревались в издательстве Сытина выпустить сборник статей о лучах Рентгена и просили протекции Антона Павловича. Издание удалось, и следом он выпускает там же, по свидетельству П. П. Филевского, брошюру о радиации. Она, вследствие новизны вопроса, хорошего знания предмета и общедоступности изложения, была распродана в течение месяца. То есть, как бы сказали сейчас, стала бестселлером.

Была уже упомянута газета «Приазовский край», которая, как известно, начала своё существование в 1891 году. Спустя несколько лет в Таганроге открывается её таганрогское отделение, и, по свидетельству П. П. Филевского, Псалти становится заведующим этим отделением. Он выступает под псевдонимами «Невидимка» и «Скиф», пишет научные обзоры и фельетоны, довольно бойкие и острые, в которых не щадил ни своих, ни чужих.

О том, что разумеется под словом «своих» – чуть позже. Судя по всему, рамки умеренного либерализ-

ма газеты были ему тесны, и он начинает сотрудничать с газетой «Донская речь», к тому времени издающейся уже в Ростове-на-Дону. Её владельцем, перекупив газету у новочеркасского хозяина, становится Минас Берберов, которого известный ростовский краевед С. Швецов характеризует как банкира, кандидата прав и либеральствующего юриста.

По данным известного исследователя российской периодической печати Николая Травушкина, с 1903 года негласным владельцем газеты становится и Николай Елпидифорович Парамонов, в январе того же года основавший в Ростове-на-Дону издательство «Донская речь».

По данным, напечатанным в Полном собрании сочинений и писем Чехова, вышедшим в свет в 1949-1950-годах, Псалти в 1900 году переезжает в Ростов-на-Дону и становится сотрудником сначала газеты, а потом и издательства «Донская речь». О радикальности упомянутой газеты можно судить по такому факту: в донесении ростовских жандармов говорится о том, что к 1905-1906 годам среди сотрудников редакции «Донской речи» было много членов Донского комитета РСДРП.

Но это произойдет чуть позже, а пока – в 1900 году – в донской печати возникает весьма неоднозначная ситуация, о которой мы узнаём из письма Абрама Борисовича Тараховского Антону Павловичу Чехову. Напомним, что Тараховский – журналист, как бы сейчас сказали, собственный корреспондент «Приазовского края» в Таганроге, печатающийся под псевдонимом «Шиллер из Таганрога», член акцио-

нерного общества «Приазовский край», ставший 1918-1919 годам последним редактором этой газеты.

Дело в том, что Михаил Николаевич, продолжая сотрудничать в таганрогском приложении к «Приазовскому краю», обрушился с критикой на него со страниц «Донской речи», выступая под псевдонимом.

Отвечал на выпады Псалти Тараховский.

Полемика «Донской речи» и «Приазовского края» приняла острый характер. В письме к Чехову Абрам Борисович спрашивал совета у Антона Павловича, удобно ли будет указать на сотрудничество Псалти в двух враждующих газетах, на страницах одной из которых он выступал против другой.

Ответ Чехова, прекрасно знавшего условия, в которых приходилось работать провинциальным журналистам, можно с полным правом считать нравственным завещанием великого писателя всем «акулам и медведицам пера».

«Многоуважаемый Абрам Борисович! «Донской речи» не получаю, с Псалти знаком, но не переписываюсь с ним. Вы спрашиваете моего мнения, вот оно: ставить суровый ультиматум редакторам – это значит осложнять и без того тяжёлое положение печати.

Взаимные же перебранки, пересуды, принципиальные требования к ответу и споры загромаждают нашу печать и утомляют общество. Взаимные потасовки журналистов никогда не делали их лучше. Они отнимали только время и место в газетах, никогда ничего не доказывали. И читатель всегда относился безразлично к тому, кто прав и виноват, и ставился на сторону более бойкого и хлесткого. Эти потасовки раз-

дражают, и в конце концов общество реагирует на них скандалами вроде одесского, о котором вы писали...

Местную травлю или полемику я всегда считал злом. Если бы я был журналистом, никогда бы не трогал своих, как бы мне ни было тяжело и больно работать с ними.

Желаю всего хорошего.

Чехов».

Между тем болезнь Михаила Николаевича Псалти прогрессировала, ни лекарства, ни поездки за границу не помогали, и 25 августа 1905 года он скончался, оставив после себя жену с двумя детьми. Правда, по данным Олега Гаврюшкина, таганрогского краеведа, детей у Михаила Николаевича оставалось трое – сын и две дочери, из которых, увы, никто не наследовал его литературного таланта.

***

РЕДАКТОР И ИЗДАТЕЛЬ

«Будьте здоровы, богатеите материально, потому что душевно вы и так богаты. Материально же надо спешить богатеть. Надо вам завести ещё магазины в Саратове, Казани, в Ростове-на-Дону и в Париже», - писал Чехов А. С. Суворину 14 февраля 1889 года из Москвы.

Уж не знаем, как в Париже, а в Ростове-на-Дону книжный магазин издательства Суворина был открыт. Долгое время он располагался в одном из красивейших зданий города на главной улице - в доходном доме И. Р. Гоца (а разве строили тогда в центре города дома с непривлекательными фасадами?!). Сам

дом появился на Большой Садовой в 1908 году, а объявления о работе вышеупомянутого магазина стали появляться в «Приазовском крае» уже в 1904 году.

Тогда, судя по рекламе, магазин занимал торговые площади в доме Кистова (ныне не существующего) на углу Б.Садовой и Почтового переулка. Последнее пристанище магазина в доме Гоца знают все коренные жители Ростова: в советское время там располагался магазин «Пионер», а сегодня на тех же квадратных метрах торгуют косметикой.

Алексей Сергеевич Суворин познакомился с Чеховым в 1885 году и быстро поверил в его писательский талант. И далее писателя и издателя связывала, несмотря на расхождение в политических взглядах, многолетняя нежная дружба.

Было неожиданным «отречение» Суворина от Чехова после смерти последнего. В печати он даже назвал Антона Павловича «средним писателем», но поведение Алексея Сергеевича при встрече гроба писателя, прибывшего из Германии, говорило более, чем последующие слова.

Вот как описывает этот эпизод В. В. Розанов: *«...С палкой он как-то бегал (страшно быстро ходил), всё браня нерасторопность дороги, неумелость подать вагон... Смотря на лицо и слыша его обрывающиеся слова, я точно видел отца, к которому везли труп ребёнка или труп обещавшего юноши, безвременно умершего...»*

Младший сын Суворина – Борис Алексеевич (1879-1940) (у Антона Павловича в письмах – Боря, Байрон, Берке), был любимцем не только Алексея Сергеевича, но и Чехова. Удивительная была личность –

этот Боря: с одной стороны, окружение Суворина почитало его легкомысленным бабником и пьяницей. С другой – Борис Алексеевич стал создателем популярной петербургской ежедневной газеты «Вечернее Время». Он также активно участвовал в общественной жизни, был председателем Общества содействия физическому развитию.

Когда в сентябре 1912 года в Петербурге состоялся первый марафонский забег «Русский марафон», устроенный Петербургским кружком любителей спорта, то призом был объявлен кубок газеты «Вечернее Время» имени её редактора Бориса Суворина.

Назвать неудачливым человека, который был издателем газеты с тиражом, временами поднимавшимся до 200 тысяч, нельзя.

Такой успех издания можно объяснить только тщательным подбором творческих кадров и хорошей организацией работы редакции. Борису Алексеевичу пришлось эту работу ещё четырежды начинать буквально с нуля. Однако – всё по порядку.

После октябрьских событий в Петрограде газета «Вечернее Время» была закрыта. Возобновила она свой выход в сердце «российской Вандеи» – Новочеркасске – в июне 1918 года. Однако через полгода редакция «Вечернего Времени» поменяла прописку на Ростов-на-Дону. *«Я переносу своё дело в шумный, говорливый Ростов, - писал Б. А. Суворин в своей газете 15 декабря 1918 года. - Русской газете нужны большие дороги, и милый, тихий просёлок Новочеркаска стал узок».* Но была ещё одна причина, которая гнала Суворина из столицы донского казачества – резкое неприятие им прогерманской позиции тогдашнего войскового правительства.

В Ростове редакция расположилась в доме по адресу: Большая Садовая, 100 (ныне – угол пер. Газетного и ул. Б. Садовая), совсем неподалеку от того самого дома, на котором висела гордая вывеска «Книжный магазин издательства Суворина».

Этот ростовский адрес значится в записной книжке Максимилиана Волошина, приезжавшего в город на несколько дней в июле 1919 года.

О том, как работала редакция в Ростове, современники свидетельств не оставили, но, думается, её работа была организована так же, как и в столице: *«Контора «Вечернего Времени» была своего рода информационным центром, где петербуржцы могли получать самые свежие новости о событиях в городе, стране, мире. При конторе был открыт «зал телеграмм», где выставлялись телеграммы корреспондентов газеты, а также подлинники фотографий, рисунков, карикатур.*

Каждый день, кроме воскресенья, перед выходом очередного номера «Вечернего Времени» в окнах конторы устанавливались плакаты с кратким содержанием последнего выпуска газеты. Кроме того, вечером в окнах конторы на особых экранах вывешивались последние телеграммы, рисунки и портреты, полученные редакцией уже после выхода номера, а также кратко сообщалось обо всех наиболее интересных городских происшествиях, случившихся до девяти часов вечера».

1919 год. Идет гражданская война, сражается с большевиками боготворимая Борисом Сувориным Добровольческая армия.

До русской литературы ли?

И, тем не менее, на страницах ростовского «Вечернего Времени» возникает чеховская тема. Причём возникает в отсутствие её редактора, находящегося тогда, летом 1919-го, в командировке в Константинополе.

Возникает, надо думать, неслучайно, поскольку сам Чехов, словно постоянный член семьи, будет незримой тенью присутствовать и в эмигрантском житии-бытии Бориса Алексеевича.

Как вспоминает кемеровская писательница Мэри Кушникова в своей почти документальной повести «Встречи с фантомами», он всё время верил в возвращение на родину и берег русские рубли «чистаго серебра».

В этом доме постоянно готовились к этому возвращению. Говорили – первым делом надо разыскать дедушкину библиотеку – не могла же она пропасть. Иногда перечитывали немногие письма Чехова, непонятно как уцелевшие в вихре, занёсшем Сувориных в Париж. Доставали серебряное блюдо с дарственной надписью *«От сотрудников газеты «Новое время» дорогому Алексею Сергеевичу Суворину»*, подаренное к десятилетнему юбилею 1886 года.

Через много лет Марсель, жена Сергея, сына Бориса Алексеевича, покажет Мэри Кушниковой это блюдо в поселке Каскелен под Алма-Атой, где жили многие репатрианты. На кладбище Каскелена и будет похоронен в 1967 году Серж Суворин.

А в 1937 году его отец, Борис Алексеевич Суворин, известный русский журналист, сплющит последние русские рубли и закажет из серебра корпус для за-

жигалки. Отчаянно и кощунственно красуясь, будет показывать эту зажигалку своим домашним и не расстанется с ней до самой смерти.

Но это будет потом, а пока, 24 июля 1919 года, в суворинской газете «Вечернее Время», издающейся в Ростове-на-Дону, появляется репортаж под названием «По забытым и осквернённым местам», подписанный явно псевдонимом – Александр Викторович.

«В текущем месяце Россия должна была отметить 15-летие со дня смерти незабвенного Чехова. Приехав на его родину, я убедился, что если Россия и даже заграница Чехова знают, то Таганрог его не знает.

- Где находится домик Чехова? - обращаюсь я к гимназисту.

- Не знаю... Какой Чеховский домик? - с тупым удивлением отвечает будущий «строитель» России.

И сколько я ни стыдил, сколько ни бросал ему упрёков – вплоть до «преступление» и «позор» – ничего его не смутило и не тронуло. Напротив, глаза его как будто говорили: какое мне дело до какого-то Чехова?

Проходит на вид безусловно интеллигентная дама.

- Скажите, пожалуйста, вы здешняя?

- Здешняя.

- Где здесь дом, в котором родился писатель Чехов?

- Дома Чеховых я не знаю. А вы, наверное, квартиру себе ищите? Вам с здесь с этим будет очень трудно.

От усталости и зноя пью квас на уличном прилавке. Обращаюсь с тем же вопросом к торгашу.

- Да это вот здесь, господин... Отсюда дома четыре, не больше.

Подошел к указанному месту и тотчас же усомнился в правильности объяснений торговца квасом: старый покосившийся забор, дырявые ворота и никакой надписи с улицы. Стою в недоумении. Из большой щели в заборе выглядывает женщина.

- Дом Чехова здесь, пожалуйста.

Слава Богу, что хоть квасник оказался знающим кое-что о Чехове.

Переступаю расхлябанные и скрипящие ворота. В огромном дворе стоит несколько деревянных и глиняных домиков, всюду валяются отбросы, гнилые доски, проржавленное железо и прочая рухлядь.

В конце двора стоит одноэтажный домик с надписью: «В этом доме родился А. П. Чехов». Вокруг него разбросаны щебень, мелкий каменный уголь и всех других видов сор, у стены стоит кадка с протухшей водой, на крыльце гадят куры. Не лучше обстоит дело и с другим домиком.

Крыша протекает, стены треснули, углы облупились и обвалились.

Внутри три небольшие с низкими потолками комнаты. Видя, что топится печь и кругом стоит обстановка, спрашиваю:

- Разве здесь кто-нибудь живёт?

- А как же... Грек-буфетчик... От городской управы снимает... 35 рублей платит.

От этого ответа я остолбенел: в домике Чехова, в святыне русского народа, живёт грек. Да ещё кабатчик! И кто это допускает? Городская управа! Нет, тут дело не в 35 рублях, а в намеренном оскорблении, даже надругательстве над русским народом и его гордостью – Чеховым.

Смешно сказать: портовый город Таганрог нуждается в 35 рублях и их извлекает из дома Чехова!!! Такому преступлению нет названия и нет извинения.

С такими же трудностями разыскиваю дом отца Чехова, в котором Антон Павлович провёл гимназические годы.

И здесь меня посетило глубокое разочарование: дом продан еврейской общине, с улицы висит доска: «Еврейская богадельня». Внутри стоят ряды кроватей. Содержится кислый запах, и ничего связывающего с именем Чехова или напоминающего о нём. Никто здесь о русском писателе не знает, да и знать, видимо, не желает. При виде такой картины невольно возникла мысль: неужели у «отцов» богатого города не нашлось средств, чтобы удержать в своих руках единственную собственность семейства Чеховых в Таганроге?

Попадаю в квартиру «тётушки Марфочки» (госпожи Лободы), любимой Антоном Павловичем. 88-летняя старушка бросается мне на шею. Целует лоб и говорит: «Не уезжайте скоро... Зайдите ещё... Меня здесь обижают... Из собственного дома выгнали вот в эти комнаты. Выслушайте меня» и т. д.

Захожу в музей имени Чехова. На видном месте лежит «Подписной лист по сбору пожертвований на

сооружение памятника А. П. Чехову». В конце листа написано: «Итого собрано 18 рублей».

Так в Таганроге «охраняют» культурные ценности и так «щедро» жертвуют на увековечивание памяти родного писателя.

Вместе с тем я нисколько не сомневаюсь, что таганрогская буржуазия «с сокрушением и болью в сердце» говорит о разрушенных культурных ценностях, произведённых большевиками в России. Равно также я не сомневаюсь, что толстосумы, давшие 18 рублей на памятник Чехову, по приказу комиссара выложили бы не один десяток миллионов на уплату контрибуций, то есть ради сохранения своего существования.

Прим. редактора: И это в городе с передовой и демократической Думой. Неужели нужно, чтобы Штаб Армии вспомнил о Чехове?..»

Борис Алексеевич Суворин после занятия Ростова-на-Дону Первой Конной армией перенёс издание своей газеты в Феодосию, далее (по сведениям www.militera.lib.ru/memo/russian/sul_rb/gyp.html П9) – в Париж (1924) и Шанхай (1932).

На чужбине он напишет ещё роман «Фазан» (Париж. 1927), два рассказа о жизни праздных петербуржцев, изданных в Шанхае в 1932 году, и книгу воспоминаний о гражданской войне «За родиной» (Париж, 1922).

На родине, же Чехова, как известно, организован заповедник, в котором, правда, и сегодня есть место покушениям на святыни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Было бы несправедливым, рассказывая об Антоне Павловиче Чехове и его связях с нынешней донской столицей, не упомянуть о тех наших современниках – ростовчанах, для которых, по выражению кинорежиссёра Романа Розенблита, есть Бог, а рядом – Чехов.

В Ростове-на-Дону жил и работал замечательный учёный Леонид Петрович Громов (1897-1980), первым начавший разрабатывать в отечественном литературоведении тему влияния на творчество Чехова Таганрога и Приазовья, первым составивший полный библиографический список публикаций всех воспоминаний о писателе в донской дореволюционной прессе.

Нельзя не вспомнить и Якова Романовича Симкина (ныне проживающего в США), многолетнего декана филологического факультета Ростовского госуниверситета, автора книги «Семь лет из жизни Чехова» (Ростиздат, 1987).

Всю свою жизнь исследовал связь творчества Антона Павловича с Доном и ростовский театральный критик и краевед Юрий Александрович Немиров (1936-1994).

А кем можно оказаться, как не журналистом, писателем и драматургом, если твой отец сидел за одной гимназической партой с Антошей Чеховым?!

Таковым и стал Сергей Званцев (псевдоним Александра Шамковича), родившийся в Таганроге, но живший и творивший в Ростове-на-Дону. Мало того, что написанные им рассказы явно следовали стилю великого писателя, ничуть при этом его не копируя. Александр Исаакович – автор пьесы «Осень в Петербурге», повествующей об одном интересном эпизоде из жизни Антона Павловича.

Одна из самых замечательных работ заслуженного художника России, художника-графика Анатолия Мосина (1924-1979) – иллюстрации к повести Антона Павловича «Степь». Более 100 вариантов одной только обложки сделано мастером! Книга, к сожалению, увидела свет после смерти автора.

К 135-летию Чехова ростовским художником Николаем Полюшенко создан цикл графических работ «Чехов и Таганрог». Эти работы и сегодня можно увидеть в гостиной Донской государственной публичной библиотеки, где уже несколько лет открыта их постоянная экспозиция.

С некоторых пор творчество заслуженного деятеля искусств РФ, профессора Ростовской государственной консерватории имени С. В. Рахманинова, композитора Виталия Ходоша связано с творчеством Чехова. В 1994 году им создана кантата для солистов и смешанного хора на тексты православных богослужений по прочтению рассказа А. П. Чехова «Архиерей», в 1996 году – одноактная опера-фарс «Беззащитное существо», в 1998 году – одноактная камерная опера «Ведьма». Либретто по одноименным рассказам композитор написал сам.

Постановки пьес Антона Павловича на сценах ростовских театров за последние 30 лет всегда становились событиями в культурной жизни области. Это «Три сестры», пьеса, так любимая Ростовским ТЮЗом (ныне – Ростовским областным академическим молодёжным театром), поставленная дважды – в 1977 году Юрием Ерёминым и в 1996 году Владимиром Чигошевым.

Последняя постановка вошла в число номинантов на общенациональную театральную премию «Золотая маска» в 1997 году. Ростовский академический театр драмы имени М. Горького представлял зрителям свои версии – «Дяди Вани» (1984 год, режиссёр – В. Шапиро) и «Вишнёвого сада» (1997 год, режиссёр Хельмут Виккерт, Германия).

В год 100-летия памяти Чехова в Ростовском областном театре кукол готовится постановка «Каштанки».

В Ростове-на-Дону 5 августа 1954 года появилась библиотека имени А. П. Чехова. Основной фонд библиотеки был сформирован к началу 1960-х.

Многое для привлечения внимания к творчеству А. П. Чехова в Ростове-на-Дону сделала директор библиотеки Римма Владимировна Мец. Благодаря ей, здесь сложилась традиция в день рождения писателя проводить Чеховские чтения. Драматические эпизоды пережила библиотека в 1990-е годы – покидала родные стены, квартировала в подвале, в котором пережила не одно затопление, возрождалась, обретала новых друзей.

Находится сегодня библиотека по адресу: ул. Ленина, 66-а.

Не остались равнодушными к чеховской теме и ростовские кинематографисты. Четыре фильма, посвящённых великому писателю, снято на Ростовской киностудии. Среди них выделяется работа режиссёра Сергея Стародубцева «Ступени» (1986 год).

В этом 20-минутном фильме важнейшие даты жизни Чехова проходят через монтаж фотографий тех лет. Зрителю предложено увидеть, как лицо писателя отражает перемены не только возрастные, но и нравственные. Ступени старинной таганрогской Каменной лестницы обретают символическое значение – это ступени духовного становления личности.

И, наконец, нельзя не вспомнить об истинно всенародной любви к писателю, выразившейся в проведении в 1994 году в Ростове-на-Дону Международного фестиваля любительских театров «Играем Чехова».

Учредителями фестиваля выступили Российский центр Международной ассоциации любительских театров и Союз театральных деятелей РФ. В донскую столицу приехали почитатели творчества Антона Павловича из Украины, Испании, Франции, Финляндии, Румынии.

И это был настоящий праздник театра и литературы, праздник, который закрепил в сердцах каждого из участников любовь и к Чехову, и к принявшему их с восторгом Ростову-на-Дону.

***

СЛОВАРЬ

Аттик – стенка над карнизом, венчающим сооружение, обычно украшенная рельефом или надписями.

Визави — друг против друга.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Карниз – выступающий элемент внутренней или внешней отделки.

Пилястра – вертикальный выступ стены, условно изображающий колонну.

Ратман – выборный член городских магистратов, ратуш, управ.

Рустовка – рельефная кладка или облицовка стен камнями с грубо отёсанной или выпуклой лицевой поверхностью.

Фриз — декоративный элемент в виде горизонтальной полосы или ленты.

Книга Веры и Любви Волошиновых рассказывает о неизвестных моментах из жизни Антона Павловича Чехова, связанных с Ростовом-на-Дону.